

Иван Тургенев

Собака

Иван Сергеевич Тургенев

Собака

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004235

Аннотация

Тщательно разработанное вступление, колоритный язык героев рассказа, выполненная в гоголевских традициях характеристика участников «вечера у г-на Финоплетова» сближают «Собаку» с «Записками охотника». С. К. Брюллова в статье о романе «Новь» (1877) выделяет ряд повестей Тургенева 1860–1870-х годов, в том числе «Собаку», близких, по ее мнению, к «Запискам охотника». Вместе с тем «Собака» открывает цикл «таинственных» рассказов Тургенева. В ней органически сочетается повседневное и загадочное, реальное и фантастическое. Тургенев обращается здесь к бытовому анекдоту с известным мистическим оттенком.

Содержание

Примечания	26
Источники текста	26
Условные сокращения	42
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Собака

...Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после этого должен играть здравый рассудок? – провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки на желудке.

Антон Степаныч состоял в чине статского советника, служил в каком-то мудреном департаменте и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, «влепили станислашку».^[1]

– Это совершенно справедливо, – заметил Скворевич.

– Об этом и спорить никто не станет, – прибавил Кинаревич.

– И я согласен, – поддакнул фистулой из угла хозяин дома, г. Финоплентов.

– А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самим произошло нечто сверхъестественное, – проговорил мужчина среднего роста и средних лет, с брюшком и лысиной, безмолвно до тех пор сидевший за печкой. Взоры всех находившихся в комнате с любопытством и недоумением обратились на него – и воцарилось молчанье.

Этот мужчина был небогатый калужский помещик, недав-

но приехавший в Петербург. Он некогда служил в гусарах, проигрался, вышел в отставку и поселился в деревне. Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы,^[2] и он отправился в столицу поискать удобного местечка. Он не обладал никакими способностями и не имел никаких связей, но он крепко надеялся на дружбу одного старинного сослуживца, который вдруг ни с того ни с сего выскочил в люди и которому он однажды помог приколотить шулера. Сверх того он рассчитывал на свое счастье – и оно ему не изменило; несколько дней спустя он получил место надзирателя над казенными магазинами,^[3] место выгодное, даже почетное и не требовавшее отменных талантов: самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, – а придумали их в видах государственной экономии.

Антон Степаныч первый прервал общее оцепенение.

– Как, милостивый государь мой! – начал он, – вы не шутя утверждаете, что с вами произошло нечто сверхъестественное – я хочу сказать: нечто не сообразное с законами природы?

– Утверждаю, – возразил «милостивый государь мой», настоящее имя которого было Порфирий Капитоныч.

– Не сообразное с законами природы! – повторил с сердцем Антон Степаныч, которому, видимо, понравилась эта фраза.

– Именно... да; вот именно такое, как вы изволите говорить.

– Это удивительно! Как вы полагаете, господа? – Антон

Степаныч потщился придать чертам своим выражение ироническое, но ничего не вышло или, говоря правильнее, вышло только то, что вот, мол, господин статский советник дурной запах почуял. – Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, – продолжал он, обращаясь к калужскому помещику, – передать нам подробности такого любопытного события?

– Отчего же? Можно! – отвечал помещик и, развязно пододвинувшись к середине комнаты, заговорил так:

– У меня, господа, как вам, вероятно, известно – а может быть, и неизвестно – небольшое имение в Козельском уезде. Прежде я извлекал из него некоторую пользу – но теперь, разумеется, ничего, кроме неприятностей, предвидеть нельзя. Однако побоку политику! Ну-с, в этом самом имении у меня усадьба «махенькая»: огород, как водится, прудишко с карасишками, строения кой-какие – ну, и флигелек для собственного грешного тела... Дело холостое. Вот-с, однажды – годов этак шесть тому назад – вернулся я к себе домой довольно поздно: у соседа в картишки перекинул, – но притом, прошу заметить, ни в одном, как говорится, глазе; разделся, лег, задул свечку. И представьте вы себе, господа: только что я задул свечку, завоzilось у меня под кроватью! Думаю – крыса? Нет, не крыса: скребет, возится, чешется... Наконец ушами захлопало!

Понятное дело: собака. Но откуда собаке взяться? Сам я не держу; разве, думаю, забежала какая-нибудь «заболтущая»? Я кликнул своего слугу; Филькой он у меня прозыва-

ется. Вошел слуга со свечкой. «Что это, – я говорю, – братец Филька, какие у тебя беспорядки! Ко мне собака под кровать затесалась». – «Какая, говорит, собака?» – «А я почему знаю? – говорю я, – это твое дело – барина до беспокойства не допускать». Нагнулся мой Филька, стал свечкой под кроватью водить. «Да тут, говорит, никакой собаки нету». Нагнулся и я: точно, нет собаки. – Что за притча! – Вскинул я глазами на Фильку, а он улыбается. «Дурак, – говорю я ему, – что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вероятно, как ты стал отворять дверь, взяла да и шмыгнула в переднюю. А ты, ротозей, ничего не заметил, потому что ты вечно спишь. Уж не воображаешь ли ты, что я пьян?» Он захотел было возражать, но я его прогнал, свернулся калачиком и в ту ночь уже ничего не слышал.

Но на следующую ночь – вообразите! – то же самое повторилось. Как только я свечку задул, опять скребет, ушами хлопает. Опять я позвал Фильку, опять он поглядел под кроватью – опять ничего! Услал я его, задул свечку – тьфу ты чёрт! собака тут как тут. И как есть собака: так вот и слышно, как она дышит, как зубами по шерсти перебирает, блох ищет... Явственно таково! «Филька! – говорю я, – войди-ка сюда без свечки!» Тот вошел. «Ну, что, говорю, слышишь?» – «Слышу», – говорит. Самого-то мне его не видеть, но чувствую я, что струхнул малый. «Как, говорю, ты это понимаешь?» – «А как мне это понимать прикажете, Порфирий Капитоныч? – Наваждение!» – «Ты, – я говорю, – беспутный

человек, молчи с наваждением-то с своим...» А у обоих-то у нас голоса словно птичьи, и дрожим-то мы как в лихорадке – в темноте-то. Зажег я свечку: ни собаки нет, ни шума никакого – а только оба мы с Филькой – белые, как глина. Так свечка у меня до утра и горела. И доложу я вам, господа, – верьте вы мне или нет – а только с самой той ночи в течение шести недель та же история со мной повторялась. Под конец я даже привык и свечку гасить стал, потому мне при свете не спится. Пусть, мол, возится! Ведь зла она мне не делает.

– Однако, я вижу, вы не трусливого десятка, – с полупрезрительным, полуснисходительным смехом перебил Антон Степаныч. – Сейчас видно гусара!

– Вас-то я бы ни в каком случае не испугался, – промолвил Порфирий Капитоныч и на мгновение действительно посмотрел гусаром. – Но слушайте далее. Приезжает ко мне один сосед, тот самый, с которым я в картишки перекидывал. Пообедал он у меня чем бог послал, спустил мне рубликов пятьдесят за визит; ночь на дворе – убираться пора. А у меня свои соображения. «Останься, говорю, ночевать у меня, Василий Васильич; завтра отыграешься, даст бог». Подумал, подумал мой Василий Васильич, остался. Я ему кровать у себя же в спальне поставить приказал... Ну-с, легли мы, покурили, покалякали – всё больше о женском поле, как оно и приличествует в холостой компании, посмеялись, разумеется; смотрю: погасил Василий Васильич свою свечку и спиной

ко мне повернулся; значит: «шлафензиволь»¹.^[4] Я подождал маленько и тоже погасил свечку. И представьте: не успел я подумать, что, мол, теперь какой карамболь произойдет?^[5] как уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: из-под кровати вылезла, через комнату пошла, когтями по полу стучит, ушами мотает, да вдруг как толкнет самый стул, что возле Василия Васильевичевой кровати! «Порфирий Капитоныч, – говорит тот, и таким, знаете, равнодушным голосом, – а я и не знал, что ты собаку приобрел. Какая она, легавая, что ли?» – «У меня, говорю, собаки никакой нет и не бывало никогда!» – «Как нет? а это что?» – «Что *это?* – говорю я, – а вот зажги свечку, так сам узнаешь». – «Это не собака?» – «Нет». Повернулся Василий Васильич на постели. «Да ты шутишь, чёрт?» – «Нет, не шучу». Слышу я: он чёрк, чёрк спичкой, а та-то, та-то всё не унимается, бок себе чешет. Загорелся огонек... и баста! След простыл! Глядит на меня Василий Васильич – и я на него гляжу. «Это, говорит, что за фокус?» – «А это, – говорю я, – такой фокус, что посади ты с одной стороны самого Сократа, а с другой Фридриха Великого,^[6] так и те ничего не разберут». И тут же я ему всё в подробности рассказал. Как вскочит мой Василий Васильич! Словно обожженный! В сапоги-то никак не попадет. «Лошадей! – кричит, – лошадей!» Стал я его уговаривать, так куда! Так и взахался. «Не останусь, кричит, ни минуты! – Ты, значит, после этого оглашенный человек! – Лошадей!..»

---

¹ «спокойной ночи» (нем.).

Однако я его уломал. Только кровать его перетащили в другую комнату – и ночники везде запалили. Поутру, за чаем, он остепенился; стал советы мне давать. «Ты бы, говорит, Порфирий Капитоныч, попробовал на несколько дней из дому отлучиться: может, эта пакость от тебя бы отстала». А надо вам сказать: человек он – сосед мой – был ума обширного! Тещу свою, между прочим, так обработал чудесно: вексель ей подсунул; значит, выбрал же самый чувствительный час! Шёлковая стала; доверенность дала на управление всем имением – чего больше? А ведь это какое дело – тещу-то скрутить, а? Сами извольте посудить. Однако уехал он от меня в некотором неудовольствии: я-таки его опять рубликов на сотню наказал. Даже ругал меня; говорил, что ты-де неблагодарен, не чувствуешь; а я чем же тут виноват? Ну, это само собою, – а совет я его к сведению принял: в тот же день укатил в город, да и поселился на постоялом дворе у знакомого старичка из раскольников. Почтенный был старичок, хотя и суров маленько по причине одиночества: вся семья у него перемерла. Только уж очень табаку не жаловал и к собакам чувствовал омерзенье великое; кажется, чем, например, ему собаку в комнату впустить согласиться – скорей бы сам себя пополам перервал! «Потому, говорит, как же возможно! Тут у меня в светлице на стене сама Владычица^[7] пребывать изволит, и тут же пес поганый рыло свое нечестивое устави́т». Известно – необразование! А впрочем, я такого мнения: кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся!

– Да вы, я вижу, великий философ, – вторично и с тою же усмешкой перебил Антон Степаныч.

Порфирий Капитоныч на этот раз даже нахмурился.

– Какой я философ, это еще неизвестно, – промолвил он с угрюмым подергиваньем усов, – но вас бы я охотно взял в науку.

Мы все так и впились в Антона Степаныча; всякий из нас ожидал горделивого ответа или хотя молниеносного взгляда... Но господин статский советник перевел свою усмешку из презрительной в равнодушную, потом зевнул, поболтал ножкой – и только!

– Вот у этого-то старичка я и поселился, – продолжал Порфирий Капитоныч. – Комнатку он мне отвел, по знакомству, не из лучших; сам он помещался тут же за перегородкой – а мне только этого и нужно. Однако принял я в те поры муки! Комнатка небольшая, жара, этта, духота, мухи, да какие-то клейкие; в углу киотище необыкновенный, с древнейшими образами; ризы на них тусклые да дутые; маслом так и разит, да еще какою-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а из-под нее таракан бежит... я уж со скуки чаю до невероятности напился – просто беда! Лег я; спать нет возможности – а за перегородкой хозяин вздыхает, кричит, молитвы читает. Ну, однако, угомонился, наконец. Слышу: похрапывать стал – да так полегоньку, по-старомодному, вежливенько. Свечку-то я давно загасил – только лампадка перед образами горит... Помеха, значит! Вот я возь-

ми да встань тихохонько, на босу ногу; подмогнулся к лампадке да и дунул на нее... Ничего. «Эге! – думаю, – знать, у чужих-то не берет...» Да только что опустился на постель – опять пошла тревога! И скребет, и чешет, и ушами хлопает... ну, как быть следует! Хорошо. Я лежу, жду, что будет? Слышу: просыпается старик. «Барин, говорит, а барин?» – «Что, мол?» – «Это ты лампадку погасил?» Да ответа моего не дождавшись, как залопочет вдруг: «Что это? что это? собака? собака! Ах ты, никонианец окаянный!»^[8] – «Погоди, говорю, старик, браниться – а ты лучше приди-ка сам сюда. Тут, я говорю, дела совершаются удивления достойные». Повозился старик за перегородкой и вошел ко мне со свечкой, тоненькой-претоненькой, из желтого воску; и удивился же я, на него гляючи! Сам весь шершавый, уши мохнатые, глаза злобные, как у хорька, на голове шапонька белая войлочная, борода по пояс, тоже белая, и жилет с медными пуговицами на рубаше, а на ногах меховые сапоги – и пахнет от него можжевельником. Подошел он в этаким виде к образам, перекрестился три раза крестом двуперстным, лампадку зажег, опять перекрестился – и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! И тут я ему, нимало не медля, всё обстоятельно сообщил. Выслушал все мои объяснения старина и хоть бы словечко проронил: только знай головой потряхивает. Присел он потом, этта, ко мне на кроватку – и всё молчит. Чешет себе грудь, затылок и прочее – и молчит. «Что ж, – говорю я, – Федул Иваныч, как ты полагаешь: нава-

ждение это какое, что ли?» Старик посмотрел на меня. «Что выдумал! наваждение! Добро бы у тебя, табашника, – а то здесь! Ты только то сообрази: что тут святости! Наваждения захотел!» – «А коли это не наваждение – так что же?» Старик опять помолчал, опять почесался и говорит наконец, – да глухо так, потому усы в рот лезут: «Ступай ты в град Белев. Окромя одного человека, тебе помочь некому. И живет сей человек в Белеве, из наших. Захочет он тебе поспособствовать – твое счастье; не захочет – так тому и быть». – «А как мне его найти, человека сего?» – говорю я. «Это мы тебя направить можем, – говорит, – а только какое это наваждение? Это есть явление, а либо знамение; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, с бабюшкой со Христом; я ладанком покурю; а на *утрие* мы побеседуем. Утро, знаешь, вечера мудренее».

Ну-с, и побеседовали мы на *утрие* – а только от этого от самого ладану я чуть не задохнулся. И дал мне старик наставление такого свойства: что, приехавши в Белев, пойти мне на площадь и во второй лавке направо спросить некоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась в клочке бумаги, на которой стояло следующее: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Сергию Прохоровичу Первушину. Сему верь. Феодулий Иванович». А внизу: «Капустки пришли, бога для».

Поблагодарил я старика – да без дальнейших рассуждений велел заложить тарантас и отправился в Белев. Потому

я так соображал: хотя, положим, от моего ночного посетителя мне большой печали нет, однако все-таки оно жутко, да и, наконец, не совсем прилично дворянину и офицеру – как вы полагаете?

– И неужели вы поехали в Белев? – прошептал г. Финоплентов.

– Прямо в Белев. Пошел я на площадь, спросил во второй лавке направо Прохорыча. «Есть, мол, говорю, такой человек?» – «Есть», – говорят. «А где живет?» – «На Оке, за огородами». – «В чьем доме?» – «В своем». Отправился я на Оку, отыскивал его дом, т. е. в сущности не дом, а простую лачугу. Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так... мещанинишко по наружности, стоит ко мне спиной, копается в капустнике. Я подошел к нему. «Вы, мол, такой-то?» Он обернулся – и доложу вам поистине: этаких проницательных глаз я отроду не видывал. А впрочем, всё лицо с кулачок, бородка клином, и губы ввалились: старый человек. «Я такой-то, – говорит, – что вам *надобе?*» – «А вот, мол, что мне *надобе*», – да и грамоту ему в руку. Он посмотрел на меня пристально таково да и говорит: «Пожалуйте в комнату; я без очков читать не могу». Ну-с, пошли мы с ним в его хибарку – и уж точно хибарка: бедно, голо, криво; как только держится. На стене образ старого письма, как уголь черный: одни белки на ликах так и горят. Достал он из столика железные круглые очки, надел себе на нос, прочел грамотку да через очки опять на меня посмотрел. «Вам до меня

нужда имеетея?» – «Имеется, говорю, точно». – «Ну, говорит, коли имеется, так докладывайте, а мы послушаем». И представьте вы себе: сам сел и платок клетчатый из кармана достал и у себя на коленях разложил – и платок-то дырявый – да так важно на меня взирает, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажает меня. И что еще удивительнее: чувствую я вдруг, что робею, так робею... просто душа в пятки уходит. Нижет он меня глазами насквозь, да и полно! Однако я поправился да и рассказал ему всю мою историю. Он помолчал, поежился, пожевал губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки как сенатор, величественно так, не торопясь: «Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты?» Потом он опять губами пожевал, нахмурился, палец уставил да и говорит: «Иконе святой поклонитесь, честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию».^[9] Я поклонился в землю – и так уж и не поднимаюсь; такой в себе страх к тому человеку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы он ни прикажи, исполню тотчас же!.. Вы вот, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мне не до смеху было тогда, ей-ей. «Встаньте, господин, – проговорил он наконец. – Вам помочь можно. Это вам не в наказание наслано, а в предостережение; это, значит, попечение о вас имеется; добре, знать, кто за вас молится. Ступайте вы теперь на базар и купите вы себе собаку-щенка, которого вы при себе держите неотлучно – день и ночь. Ваши виденья прекратятся, да и, кроме того, будет вам

та собака на потребу».

Меня вдруг точно светом озарило: уж как же мне эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотел было уйти, да вспомнил, что нельзя же мне его не поблагодарить, – достал из кошелька трехрублевую бумажку. Только он мою руку отвел от себя прочь и говорит мне: «Отдайте, говорит, в часовенку нашу али бедным, а услуга та неоплатная». Я опять ему поклонился – чуть не в пояс – и тотчас марш на базар! И вообразите: только что стал я подходить к лавкам – глядь, ползет ко мне навстречу фризловая шинель^[10] и под мышкой несет легавого щенка, двухмесячного, коричневой шерсти, белогубого, с белыми передними лапками. «Стой! – говорю я шинели, – за сколько продаешь?» – «А за два целковых». – «Возьми три!» Тот удивился, думает, с ума барин спятил – а я ему ассигнацию в зубы, щенка в охапку, да в тарантас! Кучер живо запряг лошадей, и в тот же вечер я был дома. Щенок всю дорогу у меня за пазухой сидел – и хоть бы пикнул; а я ему всё: «Трезорушко! Трезорушко!» Тотчас его накормил, напоил, велел соломы принести, уложил его, и сам шмыг в постель! Дунул на свечку: сделалась темнота. «Ну, говорю, начинай!» Молчит. «Начинай же, говорю, такая-сякая!» Ни гугу, хоть бы на смех. Я куражиться стал: «Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая!» Ан не тут-то было – шабаш! Только и слышно, как щенок пыхтит. «Филька! – кричу, – Филька! Поди сюда, глупый человек!» – Тот вошел. – «Слышишь ты собаку?» – «Нет, говорит, ба-

рин, ничего не слышу» – а сам смеется. – «И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинник тебе на водку!» – «Пожалуйста ручку», – говорит дурак и впотымах-то лезет на меня... Радость, доложу вам, была большая.

– И так всё и кончилось? – спросил Антон Степаныч уже без иронии.

– Видения кончились, точно – и уже беспокойств никаких не было – но, погодите, всей штуке еще не конец. Стал мой Трезорушко расти – вышел из него гусь лапчатый. Толстохвостый, тяжелый, вислоухий, брылястый – настоящий «пиль-аванц».^[11] И притом ко мне привязался чрезвычайно. Охота в наших краях плохая – ну, а все-таки, как завел собаку, пришлось и ружьишком запастись. Стал я со своим Трезором таскаться по окрестностям: иногда зайца подшибешь (уж и гонялся же он за этими зайцами, боже мой!), а иногда и перепелку или уточку. Но только главное: Трезор от меня ни на шаг. Куда я – туда и он; даже и в баню его с собой водил, право! Одна наша барыня меня за самого за этого Трезора из гостинной приказала было вывести, да я такую штурму поднял: что одних стекол у ней перебил! Вот-с, однажды, дело было летом... И, скажу вам, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнит; в воздухе не то дым, не то туман, пахнет гарью, мгла, солнце, как ядро раскаленное, а что пыли – не прочихнешь! Люди так разинувши рты и ходят, не хуже ворон. Соскучилось мне этак дома всё сидеть, в полнейшем дезабилье, за закрытыми ставнями; кстати же

жара начинала сваливать... И пошел я, государи мои, к одной своей соседке. Жила же она соседка от меня в версте – и уж точно благодетельная была дама. В молодых еще цветущих летах и наружности самой располагающей; только нрав имела непостоянный. Да это в женском поле не беда; даже удовольствие доставляет... Вот добрался я до ее крылечка – и солоно же мне показалось это путешествие! Ну, думаю, ублаготворит меня теперь Нимфодора Семеновна брусничной водой, ну и другими прохладами – и уже за ручку двери взялся, как вдруг за углом дворовой избы поднялся топот, визг, крик мальчишек... Я оглядываюсь. Господи боже мой! прямо на меня несется огромный рыжий зверь, которого я с первого взгляда и за собаку-то не признал: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбом... Не успел я дыхание перевести, как уж это чудовище вскочило, на крыльцо, поднялось на задние лапы и прямо ко мне на грудь – каково положение? Я замер от ужаса и руки не могу поднять, одурел вовсе... вижу только страшные белые клыки перед самым носом, красный язык, весь в пене. Но в то же мгновенье другое, темное тело взвилось передо мною, как мячик, – это мой голубчик Трезор заступился за меня; да как пиявка тому-то, зверю-то, в горло! Тот захрипел, заскрежетал, отшатнулся... Я разом рванул дверь и очутился в передней. Стою, сам не свой, всем телом на замок налег, а на крыльце, слышу, происходит баталя отчаянная. Я стал кричать, звать на помощь; все в доме всполошились. Нимфодора Семеновна прибежала с рас-

пущенной косой, на дворе загомонили голоса – и вдруг слышалось: «Держи, держи, запри ворота!» Я отворил дверь – так, чуточку – гляжу: чудовища уже нет на крыльце, люди в беспорядке мечутся по двору, махают руками, поднимают с земли поленья – как есть очумели. «На деревню! на деревню убегла!» – визжит какая-то баба в кичке необыкновенных размеров,^[12] высунувшись в слуховое окно. Я вышел из дома. «Где, мол, Трезор?» – и тут же увидел моего спасителя. Он шел от ворот, хромым, весь искусанный, в крови... «Да что такое, наконец?» – спрашиваю у людей, а они кружатся по двору, как угорелые. «Бешеная собака! – отвечают мне, – графская; со вчерашнего дня здесь мотается».

У нас был сосед, граф; тот заморских собак навез, пре-страшенных. Поджилки у меня затряслись; бросился к зеркалу, посмотреть, не укушен ли я? Нет, слава богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежит на диване и клохчет курицей. Да оно и понятно: во-первых, нервы, во-вторых, чувствительность. Ну, однако, пришла в себя и спрашивает меня, томно так: жив ли я? Я говорю, жив, и Трезор мой избавитель. «Ах, говорит, какое благородство! И стало быть, бешеная собака его задушила?» – «Нет, говорю, не задушила, а ранила сильно». – «Ах, говорит, в таком случае его надо сию минуту пристрелить!» – «Ну, нет, говорю, я на это не согласен; я попробую его вылечить...» Тем временем Трезор стал скрестись в дверь: я было пошел ему отворять. – «Ах, говорит, что вы это? Да

он нас всех перекусают!» – «Помилуйте, говорю, яд не так скоро действует». – «Ах, говорит, как это возможно! Да вы с ума сошли!» – «Нимфочка, говорю, успокойся, прими резон...» А она как крикнет вдруг: «Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой!» – «И уйду», – говорю. – «Сейчас, говорит, сию секунду! Удались, говорит, разбойник, и на глаза мне не смей никогда показываться. Ты сам можешь взбеситься!» – «Очень хорошо-с, – говорю я, – только дайте мне экипаж, потому что я теперь пешком идти домой опасуюсь». Она уставилась на меня. «Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочет, лишь бы провалился поскорее. Ах, какие глаза! ах, какие у него глаза!» Да с этими словами из комнаты вон, да встрешную девку по щеке – и слышу, с ней опять припадок. И поверите ли вы мне, господа, или нет, а только с самого того дня я с Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратил; а по зрелом соображении всех вещей не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязан моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску. Ну-с, велел я заложить коляску, посадил в нее Трезора и поехал к себе домой. Дома я его осмотрел, обмыл его раны – да и думаю: повезу я его завтра чуть свет к бабке в Ефремовский уезд. А бабка эта – старый мужик, удивительный: пошепчет на воду – а другие толкуют, что он в нее змеиную слюну пускает, даст выпить – как рукою снимет. Кстати, думаю, в Ефремове себе кровь брошу: оно против испуга хорошо бывает; только, разумеется, не из руки, а из соколка.

– А где это место – соколók? – с застенчивым любопытством спросил г. Финоплентов.

– А вы не знаете? Самое вот это место, на кулаке, подле большого пальца, куда из рожка табак насыпают – вот тут! Для кровопускания первый пункт; потому сами посудите: из руки пойдет кровь жильная, а тут она – наигранная. Доктора этого не знают и не умеют; где им, дармоедам, немчуре? Больше кузнецы упражняются. И какие есть ловкие! Наставит долото, молотком тюкнет – и готово!.. Ну-с, пока я таким образом размышлял, на дворе совсем стемнело, пора на боковую. Лег я в постель – и Трезор, разумеется, тут же. Но от испуга ли, от духоты ли, от блох или от мыслей – только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пил, и окошко отворял, и на гитаре «камаринского» с итальянскими вариациями разыграл...^[13] нет! Прет меня вон из комнаты – да и полно! Я решил на-конец: взял подушку, одеяло, простыню да и отправился через сад в сенной сарай; ну и расположился там. И так мне стало, господа, приятно: ночь тихая, претихая, только изредка ветерок словно женской ручкой по щеке тебе проведет, свежо таково; сено пахнет, что твой чай, на яблонях кузнечики потрюкивают; там вдруг перепел грянет – и чувствуешь ты, что и ему, канашке, хорошо, в росе-то с подружкой сидючи... А на небе такое благолепие: звездочки теплятся, а то тучка наплывет, белая, как вата, да и та еле движется...

На этом месте рассказа Скворевич чихнул; чихнул и Ки-

наревич, никогда и ни в чем не отстававший от своего товарища. Антон Степаныч посмотрел одобрительно на обоих.

– Ну-с, – продолжал Порфирий Капитоныч, – вот так-то лежу я и опять-таки заснуть не могу. Размышление нашло на меня; а размышлял я больше о премудрости: что вот как, мол, это Прохорыч мне справедливо объяснил насчет предостереженья – и почему это именно надо мной такие чудеса совершаются?.. Я удивляюсь собственно потому, что ничего не понимаю, а Трезорушко повизгивает, свернувшись в сене: больно ему от ран-то. И еще я вам скажу, что мне спать мешало – вы не поверите: месяц! Стоит он прямо передо мной, этакий круглый, большой, желтый, плоский, и сдается мне, что уставился он на меня, ей-богу; да так нагло, назойливо... Я ему даже язык наконец высунул, право. Ну чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я от него – а он мне в ухо лезет, затылок мне озаряет, так вот и обдает, словно дождем; открою глаза – что же? Былинку каждую, каждый дрянной сучок в сене, паутинку самую ничтожную – так и чеканит, так и чеканит! На, мол, смотри! Нечего делать: опер я голову на руку, стал смотреть. Да и нельзя: поверите ли, глаза у меня, как у зайца, так и пучатся, так и раскрываются – словно им и неизвестно, что за сон бывает за такой. Так, кажется, и съел бы всё этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верст на пять в поле видно: и явственно и нет, как оно всегда бывает в лунную ночь. Вот гляжу я, гляжу – и не смигну даже... И вдруг мне показалось, как будто что-то мо-

танулось – далеко, далеко... так, словно что померещилось. Прошло несколько времени: опять тень проскочила – уже немножко ближе; потом опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяц, что ли? Нет, думаю, это будет покрупнее зайца – да и побежка не та. Гляжу: опять тень показалась, и движется она уже по выгону (а выгон-то от луны белесоватый) этаким крупным пятном; понятное дело: зверь, лисица или волк. Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякого зверя ночью по полю бегает? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытарашил, а сам вдруг похолодел весь, так-таки застыл, точно меня в лед по уши зарыли, а отчего? Господь ведает! И вижу я: тень всё растёт, растёт, значит, прямо на сарай катит... И вот уж мне понятно становится, что это – точно зверь, большой, головастый... Мчится он вихрем, пулей... Батюшки! что это? Он разом остановился, словно почувал что... Да это... это сегодняшняя бешеная собака! Она... она! Господи! А я-то пошевеливаться не могу, крикнуть не могу... Она подскочила к воротам, сверкнула глазами, взвыла – и по сену прямо на меня!

А из сена-то, как лев, мой Трезор – и вот он! Пасть с пастью так и вцепились оба – да клубом оземь! Что уж тут происходило – не помню; помню только, что я, как был, кубарем через них, да в сад, да домой, к себе в спальню!.. Чуть под кровать не забился – что греха таить. А какие скачки, какие лансады по саду задавал!^[14] Кажется, самая первая танцорка,

что у императора Наполеона^[15] в день его ангела пляшет, – и та за мной бы не угналась. Однако, опомнившись немного, я тотчас же весь дом на ноги поднял; велел всем вооружиться, сам взял саблю и револьвер. (Я, признаться, этот револьвер вскоре после эманципации купил, знаете, на всякий случай^[16] – только такой попался бестия разносчик, из трех выстрелов непременно две осечки.) Ну-с, взял я всё это, и таким манером мы целой оравой, с дрекольями, с фонарями и отправились в сарай. Подходим, окликаем – не слышать ничего; входим, наконец, в сарай... И что же мы видим? Лежит мой бедный Трезорушко мертвый, с перерванным горлом – а той-то, проклятой, и след простыл.

И тут я, господа, взвыл как теленок и, не стыдясь, скажу: припал я к моему двукратному, так сказать, избавителю и долго лобзал его в голову. И пробыл я в этом положении до тех пор, пока в чувство меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибежала на гвалт). «Что это вы, Порфирий Капитоныч, – промолвила она, – так обо псе убиваетесь? Да и простудитесь еще, боже сохрани! (Очень уж я был налегке.) А коли пес этот, вас спасаючи, жизни *решился*, так для него это за великую милость почесть можно!»

Я хотя с Прасковьей не согласился, однако пошел домой. А бешеную собаку на следующий день гарнизонный солдат из ружья застрелил. И, стало быть, уж ей такой был предел положон: в первый раз отродясь солдат-то из ружья выпаллил, хоть и медаль имел за двенадцатый год. Так вот какое

со мной произошло сверхъестественное событие.

Рассказчик умолк и стал набивать себе трубку. А мы все переглянулись в недоумении.

– Да вы, может быть, очень праведной жизни, – начал было г. Финоплентов, – так в возмездие... – Но на этом слове он запнулся, ибо увидал, что у Порфирия Капитоныча щеки надулись и покраснели и глаза съжились – вот сейчас прыснет человек...

– Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в ежедневную, так сказать, жизнь, – начал снова Антон Степаныч, – то какую же роль после этого должен играть здравый рассудок?

Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

Примечания

Источники текста

Черновой автограф, 18 л. Датируется 24 марта (5 апреля) 1864 г. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 74; описание см.: *Mazon*, р. 66–67; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 323.

Первый белой автограф, 21 л. Датируется апрелем 1864 г. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 74, описание см.: *Mazon*, р. 66–67; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 323.

Второй полубелой автограф, 19 л. Датируется 1864 годом. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 74; описание см.: *Mazon*, р. 66–67; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 323.

СПб Вед, 1866, № 85, 31 марта (12 апреля), с. 1–2.

Т, Соч, 1869, ч. 6, с. 1–19.

Т, Соч, 1874, ч. 6, с. 5–23.

Т, Соч, 1880, т. 8, с. 59–77.

Т, ПСС, 1883, т. 8, с. 56–75.

Впервые опубликовано: *СПб Вед*, 1866, № 85, 31 марта (12 апреля), с. 1–2.

Печатается по тексту *Т, ПСС*, 1883 с устранением явных

опечаток, не замеченных Тургеневым.

Возникновение замысла рассказа «Собака» относится еще к 1859 году. В «Тобольских губернских ведомостях» (1893, № 27, 7 июля, с. 413) дальняя родственница Тургенева, подписавшаяся инициалами Е. М. <Милютинна?>, сообщила о нескольких своих встречах с писателем, среди них о следующей: «В один из этих памятных вечеров <1859 г.> он рассказывал фантастическую повесть „Собачки“, которая только через несколько лет после явилась в печати; он сам только что слышал ее на постоялом дворе от мещанина, с которым это случилось»^[17].

Рассказ мещанина запомнился Тургеневу. В заметке, напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», А. С. Суворин (псевдоним Незнакомец) вспоминает о встрече с Тургеневым в 1861 году и об устном его рассказе: «В тот же вечер он рассказал свою „Собаку“. Рассказ этот был так живописен и увлекателен, что производил огромное впечатление. Когда впоследствии я прочитал его в печати, мне он показался бледной копией с устного рассказа Тургенева» (*СПб Вед.*, 1870, № II, II января, с. 1).

Одно из первых упоминаний о работе над рассказом, который был написан быстро, за два дня, содержится в письме Тургенева к П. Виардо от 23 марта (4 апреля) 1864 г. из Парижа: «Целый день я не двинулся с места и лег вчера или вернее сегодня утром в 4 часа. Я написал нечто вроде маленькой новеллы под названием „Собака“, закончу ее сего-

дня. Это был истинный азарт: кажется, я просидел за своим письменным столом более 12 часов».

Об истории написания рассказа «Собака» сообщается и в письмах Тургенева к П. В. Анненкову, особенно в письме от 24 марта (5 апреля) 1864 г.: «Вдруг на меня нашел какой-то стих, и я, как говорится, не пимши, не емши, сидел над небольшим рассказом, который сегодня кончил и сегодня же прочел в маленьком русском обществе, причем получил необыкновенный успех. Вы не поверите, как бы мне хотелось сообщить эту штуку Вам; но для этого надо ее переписать <...> Название ему довольно странное – а именно: „Собака”».

Это авторское свидетельство подтверждается записью на титульном листе чернового автографа: «Собака. (Отрывок). Ив. Тургенев. 3-го – 5-го апр./22-го – 24 марта 1864. Париж».

Вероятно, Тургенев читал рукопись по черновику и после обсуждения продолжал правку в том же черновике: для автографа характерно обилие зачеркнутых вариантов (в основном стилистических) и вставок на полях. Напротив, вторая рукопись отличается незначительной правкой, имеет лишь две вставки. Но последний слой чернового автографа и тождественный ему текст второй рукописи в ряде мест существенно отличаются от основного текста^[18].

Переписка черновика заняла несколько дней. В первой белой рукописи Тургенев проставил дату: апрель – а уже 1 (13) апреля писал Анненкову: «...я кончил перепиской мою

новую повестушку; но так как я при переписывании много прибавил и переделал, то немедленно Вам послать не могу; я обещал умирающему старику Плетневу прочесть ему эту безделку».

А. Мазон описывает три рукописи – «три последовательных списка»: «первый черновик, обильно покрытый поправками и вставками» – 17 пронумерованных листов; «второй черновик, с поправками и дополнениями меньшего числа» – 19 пронумерованных листов; «список (редакция), почти чистый, но содержащий, однако, несколько существенных дополнений» (*Mazon*, p. 66–67).

Текстологический анализ этих трех автографов свидетельствует о том, что рукописи сменяют друг друга и в них видна последовательная правка. В первой белой рукописи, которую Тургенев в дальнейшем счел необходимым дать на широкое обсуждение своим литературным друзьям, имеется подзаголовок (в черновике он отсутствует): «Собака. (Отрывок из собрания рассказов под заглавием: Вечера у г-на Финоплентова)»; он упоминается в письме Тургенева к Достоевскому от 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.).

Вторая полубеловая рукопись, датированная автором 1864 годом, этого подзаголовка уже не имеет. В ней воспроизведен подзаголовок чернового автографа: «Собака (Отрывок)». Первый ее слой (за исключением незначительных изменений стилистического характера) совпадает с последним слоем первого белого автографа.

Тургенев, по-видимому, считал эту редакцию окончательной и предполагал опубликовать рассказ в самом скором времени, о чем он сообщает в том же письме к Анненкову от 1 (13) апреля 1864 г.: «Но вот штука, где ее напечатать (если Вы ее одобрите)? Я Каткову должен 300 руб., но я решительно не хочу у него печататься <...> в ежедневной газете – неловко, в других петербургских журналах – тоже не хочу. Перед самым моим отъездом Салтыков говорил мне, что он хочет издать „Альманах” и просил моего сотрудничества; узнайте от него, пожалуйста, не переменял ли он своего намерения?» Одновременно с публикацией в одном из периодических изданий Тургенев собирался включить «Собаку» в свои «Сочинения» и просил Анненкова в письме от 24 марта (5 апреля) 1864 г. передать Ф. И. Салаеву, что «готов прибавить и этот последний рассказец не в счет абонемента, так как он, вероятно, явится в каком-нибудь журнале до января».

Не решив окончательно, где будет напечатана «Собака», Тургенев широко читал рассказ в рукописи. В письме к Полине Виардо из Баден-Бадена от 7 (19) апреля 1864 г. писатель сообщает о чтении «Собаки» А. И. Васильчикову. 17 (29) апреля М. А. Маркович читала «Призраки» и «Собаку» в доме у А. Н. Якоби в Париже в присутствии А. В. Пасека^[19]. Новым рассказом заинтересовался И. П. Борисов, который писал Тургеневу 1 октября ст. ст. 1864 г.: «Жена <Д. А.> Дьякова мне говорила, что слышала новую Вашу повесть

„Собака”. Как бы это поскорей её посмотреть» (*Т сб*, вып. 4, с. 394).

Около 18 (30) апреля 1864 г. Тургенев отослал рассказ Анненкову в Петербург, но тот уже выехал за границу, и рукопись хранилась у Н. Н. Тютчева.

Лето 1864 г. Тургенев провел в Баден-Бадене. Здесь в конце мая он встретился с В. П. Боткиным и прочитал ему «Собаку». «Мне кажется, тон, взятый тобою в рассказе „Собака”, – писал Боткин 23 мая (4 июня), – не совсем верен, не наивен, с тенденциями рассмешить, какая-то неопределенная смесь трагикомического, из которой не выходит ни трагического, ни комического». И добавлял: «В искусстве ничего нет хуже межеумков» (*Боткин и Т*, с. 202–203). Отзыв, видимо, не убедил Тургенева, и он решил прочесть рассказ Анненкову: «Отлагаю до личного свидания описание пребывания Василия Петровича здесь, чтение „Собаки” и пр.», – сообщал он своему литературному советчику в письме от 21 мая (2 июня) 1864 г. Н. В. Щербаню Тургенев писал 13 (25) июня: «С чего Вам показалось, что я „Собаку” хочу поместить во „Дне”. Я ее нигде не помещу до выхода в свет издания моих сочинений».

Встреча с Анненковым в Баден-Бадене и чтение «Собаки», судя по письмам Тургенева, состоялись в конце июня – начале июля 1864 г. Устный отзыв Анненкова неизвестен, но, если судить по его последующим письмам, он был благоприятен.

Решающую роль в колебаниях Тургенева сыграло письмо Боткина от 4 (16) ноября 1864 г. из Петербурга: «Отзывы читавших твою „Собаку“ все очень неутешительны. И – судя по впечатлению, оставленному во мне твоим чтением ее, – я вполне разделяю эти отзывы. Она плоха, говоря откровенно, и, по мнению моему, печатать ее не следует. Довольно одной неудачи в виде „Призраков”» (*Боткин и Т*, с. 219).

На этот раз Тургенев согласился с мнением Боткина и в письме к Анненкову от 12 (24) ноября 1864 г. просил держать рассказ «под спудом, не давая никому читать. Из всеобщих отзывов и из собственного моего чувства я заключаю, что эта „Собака” не удалась и что лучше обречь ее на уничтожение. Во всяком случае, мне надобно либо продолжать молчать, либо выступить с чем-нибудь дельным. Пожалуйста, не оставьте этой просьбы без внимания». Анненков подчинился решению Тургенева и отвечал ему 24 ноября ст. ст. 1864 г. из Петербурга: «Книги, контракт и „Собаку” я получил на хранение, и будьте уверены, что последняя из глубоких подвалов моих на свет не выйдет. Что делать? Надо с волками по-волчьи жить; не понимает публика наша возможности простой, не (вы)думанной, просто сказавшейся вещи у писателя. Кто раз громко заговорил, говори всегда громко и одним и тем же тоном. Вон на что Боткин, и тому давай ту же физиономию, к которой он привык. Отдохнуть, побаловать, потянуться не смей, хотя бы всё это и грациозно было, но Боткин в этом случае отличный представитель рус-

ской публики, а потому „Собаку” будем хранить безвыходно» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 94).

Это решение казалось Тургеневу окончательным. В то же время слухи о новом рассказе распространились очень широко. В газетах «*Le Nord*» (1864, 27 ноября), «Русский инвалид» (1864, № 266, 1 (13) декабря), в журнале «Книжный вестник» (1864, № 23, 15 декабря) появились сообщения, что «Собака» вскоре будет напечатана. Газета «Северная почта» писала в заметке «Литературные новости»: «Наш даровитый писатель И. С. Тургенев, в настоящее время живущий в Париже, написал новую вещь под названием „Собака”. Говорят, что И. С. Тургенев предполагает написать целый ряд юмористических рассказов, подобных „Собаке”. Читавшие новое произведение г. Тургенева утверждают, что это вещь прелестная, хотя и не из капитальных произведений автора. В петербургской корреспонденции газеты „Nord” сообщают, что „Собака” будет напечатана в „Русском вестнике” в начале будущего года» (Северная почта, 1864, № 262, 28 ноября, с. 2).

Возбужденный этими слухами, Ф. М. Достоевский попросил у Тургенева «Собаку» для «Эпохи»^[20], но Тургенев в ответном письме от 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.) категорически отказал ему: «Рассказ под названием „Собака”, о котором была речь в разных журналах, действительно существует и находится теперь в руках П. В. Анненкова; но я решил, по совету всех моих приятелей, не печатать этой без-

делки <...> Это подтвердит Вам П. В. Анненков. Поводом же к распространившемуся слуху о *ряде* подобных рассказов послужила фраза, прибавленная мною к заглавию „Собаки” – а именно: „Из вечеров у г-на Ф”».

На второе письмо Достоевского (от 13 февраля ст. ст. 1865 г.) Тургенев ответил 21 февраля (5 марта) 1865 г. столь же непреклонным отказом: «Я не потому не решаюсь печатать „Собаку” – что это вещь маленькая – а потому, что она мне, по общему приговору друзей моих – не удалась». В письме к Анненкову от 11 (23) марта он назвал «Собаку» «покойной»; не поместил он рассказ и в «Сочинения», изданные в 1865 году.

Но обсуждение продолжалось. Анненков сообщил Тургеневу 16 (28) марта 1865 г., что он послал рукопись «Собаки» в Ниццу к А. Д. Блудовой и что чтение прошло в ее кружке с успехом (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 105). Тургенев отвечал своему корреспонденту 20 марта (1 апреля) 1865 г.: «Доверие мое к Вам неограниченное, и потому я не претендую на отправку „Собаки”, хотя лучше бы ей было полежать у Вас в бюро». Анненков увидел в этом уклончивом ответе смягчение прежней позиции автора. 24 февраля (8 марта) 1866 г. он послал Тургеневу письмо редактора «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Корша, рекомендуя отдать рассказ «ему в фельетон» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 121).

Тургенев уступил: «Чувствительное письмо Корша подействовало на меня, – писал он Анненкову 28 февраля (12

марта) 1866 г., – и Ваши слова всегда принимаются мною с должным уважением – а потому соглашаюсь на напечатание „Собаки" в фельетоне „С.-Петербургских ведомостей”, с одним условием, чтобы Вы продержали корректуру – и в случае нужды выкинули бы лишнее. Сегодня же начну переписывание этого продукта и через пять, шесть дней вышлю».

Вторая полубеловая рукопись, о которой говорилось выше, была в дальнейшем подвергнута правке, в отдельных местах значительной. Чернила правки – иные, чем те, которыми написана рукопись. Следовательно, правка производилась в другое время. Точно определить это время затруднительно, но если предположить, что толчком к доработке рассказа послужили письма Корша и Анненкова, то правку можно отнести к 1866 году.

Неизвестно, отправил ли Тургенев эту исправленную рукопись или же еще раз переписал ее набело. Наиболее вероятным кажется последнее. Текст второго полубелового автографа в его верхнем слое почти полностью совпадает с основным текстом, но всё же имеет незначительные разночтения^[21]. Эти разночтения могли появиться в результате исправлений, сделанных Тургеневым при новом переписывании в не дошедшей до нас наборной рукописи.

«Собака» появилась в «С.-Петербургских ведомостях» 31 марта (12 апреля) 1866 г. с датой – ошибочной или маскирующей – 1863 г. и перепечатывалась без каких-либо серьезных изменений во всех последующих собраниях сочинений

Тургенева.

Тщательно разработанное вступление, колоритный язык героев рассказа, выполненная в гоголевских традициях характеристика участников «вечера у г-на Финоплентова»^[22] сближают «Собаку» с «Записками охотника». С. К. Брюллова в статье о романе «Новь» (1877) выделяет ряд повестей Тургенева 1860–1870-х годов, в том числе «Собаку», близких, по ее мнению, к «Запискам охотника» (см.: Буданова Н. Ф. Статья С. К. Брюлловой о романе «Новь». – *Лит Насл*, т. 76, с. 303). Вместе с тем «Собака» открывает цикл «таинственных» рассказов Тургенева. В ней органически сочетается повседневное и загадочное, реальное и фантастическое^[23]. Тургенев обращается здесь к бытовому анекдоту с известным мистическим оттенком. В исследовательской литературе отмечалось отличие «Собаки» от романтических «таинственных повестей»^[24]. Центр тяжести перенесен в ней с самого эпизода – «видение» собаки – на личность рассказчика, который дан как некий социально-психологический тип, несущий в себе черты народного мировоззрения и мироощущения, народных суеверий. Другое, собственно «таинственное» лицо в рассказе – народный «провидец» Прохорыч, которому доступны таинства «натуры»^[25].

Именно на эту особенность «таинственного» в рассказе одним из первых обратил внимание Ф. М. Достоевский. В его Записной тетради (1875–1876 гг.) содержится помета: «Тургенев. „Собака“. Этюд мистическо<го> в челове-

ке» (*Лит Насл*, т. 83, с. 409). По поводу реалистического бытового колорита рассказа Достоевский отозвался в этой же Записной тетради весьма критически: «В повести „Собака“ <Тургенев> совсем не умеет выводить рассказчиков, не знает быта. Никто не говорит в обществе: милостивый государь мой, и никто не говорит: бежал, такие лансады делал, что у Наполеона первая танцовщица, которая в день его ангела танцует, не догнала бы. NB. Очень выделанно и придумано. Так не говорят» (там же, с. 376). Ниже Достоевский записывает: «Г-н Тургенев слишком мало знает действительности (из повести „Собака“) и много сочиняет наобум» (там же, с. 378).

Сдержанная оценка «Собаки» Л. Толстым приводится в воспоминаниях С. Л. Толстого: «В один из вечеров <во время приезда 8–9 августа 1878 г. в Ясную Поляну> Иван Сергеевич читал свой рассказ „Собака“. Он читал выразительно, живо и просто – без вычурных интонаций. Но самый рассказ ни на кого, в том числе на моего отца, большого впечатления не произвел» (Толстой С. Л. Очерки былого. Изд. 4-е испр. и доп. Тула, 1975, с. 301).

Отзывы современной художнику критики были незначительны и малочисленны. Лишь Н. Н. Страхов довольно подробно остановился на рассказе в статье «Последние произведения Тургенева», увидя в нем своеобразную проблему – контраст «явлений более высокого порядка» с «пошлостью русского быта»: «Пошлость русского быта, общая низмен-

ность нравов и характеров составляет необыкновенно яркий контраст с порывами сильных страстей, с исключительными событиями и лицами, в которых как бы открывается иная природа, мир явлений более высокого порядка. Вот девушка, исполненная самоотвержения и пламенной религиозности. Куда же ушли эти силы? Она стала спутницей грязного и дикого юродивого. Вот фантастическое явление *Собаки*, достойное воплотить в себе глубокий смысл, быть страшным откровением человеческих тайн. С кем же оно случилось? С пошляком-помещиком, к которому оно так же идет, как к корове седло. Да мало того – в этом чуде нет никакого смысла ни для него, ни для нас» (Заря, 1871, № 2, отд. II, с. 27–28).

П. И. Вейнберг (псевдоним Меланхолик) откликнулся на рассказ эпиграммой «И. С. Тургеневу», напечатанной в «Будильнике» (1866, № 25, 12 апреля, с. 100), в которой высмеивалась незначительность темы рассказа.

Я прочитал твою «Собаку»,
И с этих пор
В моем мозгу скребется что-то,
Как твой Трезор.
Скребется днем, скребется ночью,
Не отстают
И очень странные вопросы
Мне задает:
«Что значит русский литератор?

Зачем, зачем
По большей части он кончает
Чёрт знает чем?»

М. Е. Салтыков-Щедрин в памфлете «Наши бури и непогоды» (.1870) иронически противопоставил «Собаку» произведениям, описывающим нищету и «вечные нападки на богатых»: «А то вот, – снова начал я, – последние сочинения нашего романиста И. С. Тургенева: „Собака“, „Лейтенант Ер...” – В это время я взглянул на мою супругу и не кончил слова. Ее глаза обращены были на меня с таким укором, что мне стало совестно продолжать» (*Салтыков-Щедрин*, т. 9, с. 180).

П. Н. Ткачев (Постный) считал, что поздние рассказы и повести Тургенева, в том числе «Собака», стоят на уровне ранних повестей писателя: «И там, и здесь живая обрисовка индивидуальных особенностей характера, отсутствие типичности, отсутствие творческой фантазии, крайняя скудость вымысла» (Дело, 1872, № 12, отд. II, с. 66).

Отрицательно высказался о рассказе и С. А. Венгеров: «„Собака” <...> далеко не соответствовала славе, которая ей предшествовала. Это одна из неудавшихся вещей Тургенева. Как сказка – она не интересна, как факт – невероятна, наконец, как ирония – не достигает цели <...> „Собака” возбуждает только недоумение, зачем Тургенев напечатал такую слабую вещь» (Венгеров С. А. Русская литература в ее со-

временных представителей. И. С. Тургенев. СПб., 1875. Ч. II, с. 148).

В конце XIX в. рассказ Тургенева вновь привлек внимание критики. Д. С. Мережковский, для которого общественная значимость творчества Тургенева отодвигалась на задний план, высоко оценивал ряд поздних произведений писателя, в том числе и «Собаку». В них он видел Тургенева – «властелина полуфантастического, ему одному доступного мира» (Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893, с. 44–46). В полемику с Д. С. Мережковским о последних произведениях Тургенева и о рассказе «Собака» вступил Н. К. Михайловский. Возражая против такого понимания рассказа Тургенева, Михайловский писал: «Я достоверно знаю, что к области религии рассказанный в „Собаке“ анекдот не имеет ровно никакого отношения» (*Рус бог-во*, 1893, № 2, отд. II, с. 65).

В письмах В. Я. Брюсова к сестре Н. Я. Брюсовой от 27 июля и 4 августа 1896 г. содержится критическая оценка «фантастических рассказов» писателя: «Что касается „Собаки“, то этого я не постигаю вовсе» (см.: Тургенев и его современники, Л., 1977, с. 183–184). Высоко отозвался о художественном совершенстве рассказа А. П. Чехов. «Очень хороша „Собака“: тут язык удивительный, – писал он А. С. Суворину 24 февраля ст. ст. 1893 г. – Прочтите, пожалуйста, если забыли» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма,

т. 5. М., 1977, с. 174).

Рассказ «Собака» был переведен на французский язык Н. В. Щербанем и напечатан в газете «Le Nord» – номера от 8, 9, 10 ноября 1866 г. Тургенев одобрительно отзывался об этом переводе и в письме к Ж. Этцелю от 1 (13) апреля 1869 г. назвал его «великолепнейшим», «гораздо лучше перевода Мериме». П. Мериме начал переводить «Собаку» еще в мае 1866 г., но его перевод был опубликован лишь в 1869 г. в сборнике произведений Тургенева «Nouvelles moscovites»^[26].

В 1870 г. вышел выполненный В. Рольстоном английский перевод «Собаки» в журнале «Temple Bar», 1870, t. XXVIII, p. 474–488. Этот перевод вызвал рецензию в журнале «The illustrated London news», 1870, t. LVI, № 1583, p. 217, положительно оценивавшую рассказ: «Украшением номера является „Собака“, рассказ Тургенева, прекрасно переведенный с русского В. Рольстоном. Это рассказ о сверхъестественном и в этом отношении чрезвычайно выразителен, но еще более интересен он своей сатирической направленностью».

Условные сокращения

Архивохранилища

Bibl Nat – Национальная библиотека (Париж).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Алексеев – Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. – В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 1, с. 37–80.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания.

М., 1960.

Анненков и его друзья – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Антокольский – Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб.; М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1905.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чит – «Библиотека для чтения» (журнал).

Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Боткин и Т – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Гончаров – Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1952–1955.

Гончаров и Тургенев – И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров, Необыкновенная история – Гончаров И. А. Необыкновенная история. – В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1, с. 7–189.

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Григорьев — Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Стрхова, 1876. Т. I.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Грузинский – Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918.

Гутьяр – Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Для легкого чтения – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Достоевский, Письма – Достоевский Ф. М. Письма, тт. I–IV. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ – Academia – Гослитиздат, 1928–1959.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья – Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., т. I–VI, Academia; т. VIII–IX, Госкультпросветиздат. М.; Л., 1932–1951.

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, Ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, Т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Иванов — Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин — Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., ^[27] Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Клеман – Клеман М. К. И. С. Тургенев – переводчик Флобера. – В кн.: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88–126.

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Куприевич – Куприевич А. А. «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Диалоги» Леопарди. – В кн.: *Minerva*. Сборник, изданный при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев, 1913. Вып. 1.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит Музеум – Литературный Музеум (Цензурные мате-

риалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Лит учеба – «Литературная учеба» (журнал).

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Львов-Прач – Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Мазон – Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.; Л.: Academia, 1931.

Моск Вед – «Московские ведомости» (газета).

Моск Вестн – «Московский вестник» (журнал).

Москв – «Москвитянин» (журнал).

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Никитенко – Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. Л.: Гослитиздат, 1955–1956.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Отчет ИПБ – Отчеты императорской Публичной библиотеки.

ПД, Описание – Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, вып. IV, И. С. Тургенев. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Писемский – Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Поляк – Поляк Л. М. История повести Тургенева «Клара Милич». – В кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Под ред. Н. К. Пиксанова. «Никитинские субботники». М., 1927.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Пыпин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Революционеры-семидесятники – И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Рус Сл – «Русское слово» (журнал).

Рус Ст – «Русская старина» (журнал).

Рында – Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Сакулин – Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М., 1918.

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). *Соболевский* – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

СПб Вед – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их

переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т и Савина – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.

Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.

Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).

Т сб (Пиксанов) – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, 1856 – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.

Т, Двор гнездо, 1859 – Дворянское гнездо. Роман И. С. Тургенева. М., 1859.

Т, Дым, 1868 – «Дым», соч. Ив. Тургенева. М.: Изд. 1-е и 2-е бр. Салаевых, 1868.

Т, Отца и дети, 1862 – «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1860–1861 — Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1869 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1880 — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Соч, 1891 – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.

Т, Сочинения – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС – Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, СС, 1975 – Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).

Т, Стих, 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955

(Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).

Твори путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Театр насл — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.

Толстой – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.

Труды ГБЛ – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.

Тучкова-Огарева – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Успенский – Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1940–1954. Т. 1–14.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

Фигнер – Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Изд. 2-е. М.: Изд. Общества политкаторжан. 1932.

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.

В 15-ти т. М: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).

Шаталов – Шаталов С. Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Арзамас, 1961.

1858, *Scènes, I* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, *Scènes, II* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

BE – «Вестник Европы» (журнал).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguénef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Flaubert, Correspondance – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris: L. Conard, 1926–1930, séries I–IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830–1880). Paris, 1954. Т. 1–4.

Granjard, Ivan Tourguénev – Ivan Tourguénev, la comtesse

Lambert et «Nid de seigneurs», par Henri Granjard. Paris, 1960. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, t. XXXI).

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée – Mérimée Prosper. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1–6. Paris, «Le Divan», II série, t. 1–9. Toulouse, Privat.

T, Nouv corr inéd – Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Zabel – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

...«влепили станислашку». – Орден св. Станислава, один из низших орденов Российской империи.

2.

Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы... – Имеется в виду отмена крепостного права в 1861 г.

3.

...над казенными магазинами – государственными складами.

4.

...значит: «шлафензиволь». – От нем.: Schlaffen Sie wohl – спокойной ночи.

5.

...какой карамболь произойдет? – Карамболь – прием в бильярдной партии из трех шаров, когда шар, ударив второй и отразившись, должен задеть третий шар; здесь употреблено в смысле: сложная ситуация.

6.

...посади ты с одной стороны самого Сократа, а с другой

Фридриха Великого... – Сократ (465–399 гг. до н. э.) – древнегреческий философ; Фридрих II (1712–1786) – прусский король и полководец, выдвинувший Пруссию благодаря своим завоеваниям в число великих держав.

7.

...на стене сама Владычица... – Владычица – икона божьей матери.

8.

Ах ты, никонианец окаянный! – Никонианцами раскольники называли православных, последователей патриарха Никона (1605–1681), реформатора русской церкви.

9.

«Иконе святой поклонитесь, честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию». – Монахи Савватий (ум. в 1434 г.) и Зосима (ум. в 1478 г.) – основатели Соловецкого монастыря на Белом море (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 198–203, 269).

10.

...фризовая шинель – шинель из дешевой шерстяной ткани, какие носили мелкие чиновники.

11.

...вислоухий, брылястый – настоящий «пиль-аванц». – Брылястый – толсторылый, с большими отвислыми губами; «пиль-аванц» – легавая собака, делающая стойку на дичь, – от франц. piller – хватать и avance – шаг вперед.

12.

...в кичке необыкновенных размеров... – Кичка – головной убор замужних женщин в древнерусском быту и в быту южновеликорусских губерний XIX века.

13.

...на гитаре «камаринского» с итальянскими вариациями разыграл... – Русская народная плясовая песня, героем которой является «камаринский мужик».

14.

...какие лансады по саду задавал! – Лансады (от франц. se lancer) – бросаться, кидаться.

15.

...что у императора Наполеона... – Речь идет о французском императоре Наполеоне III (1808–1873).

16.

Я, признаться, этот револьвер вскоре после эманципации

купил, знаете, на всякий случай... – Намек на обстановку после отмены крепостного права, когда были часты волнения крестьян.

17.

См. также: Абрамов И. С. Из забытых родственных воспоминаний об И. С. Тургеневе. – Звенья, т. 8, с. 262–264.

18.

См.: Перминов Г. Ф. «Собака». Черновой автограф. – Т сб, вып. 3, с. 28–44.

19.

В дневниковой записи А. Н. Якоби от 17 апреля ст. ст. 1864 г. по поводу «Собаки» сказано: «очень наивная» (см.: Лобач-Жученко Б. Б. Тургенев и М. А. Маркович. – Т сб, вып. 5, с. 377).

20.

См. письмо Ф. М. Достоевского к Тургеневу от 14 декабря ст. ст. 1864 г. – Достоевский, Письма, т. 1, с. 380–381.

21.

См. варианты беловых автографов – Т, ПСС и П, Сочинения, т. 9, с. 390–395.

22.

Близость «Собаки» к гоголевским традициям отмечал С. Н. Сергеев-Ценский в своей беседе с М. Горьким: «Я передал этот рассказ довольно подробно, так как за свою жизнь перечитывал его раза три, и он нравился мне неизменно <...> Почему нравится? <...> Главным образом потому, конечно, что мастерство рассказчика доходит тут до предела... Читателю преподносится явная небылица, но с таким искусством, так реально выписаны все частности, такие всюду яркие, непосредственно из жизни выхваченные штрихи, что трудно не поверить автору <...> По этой же причине очень люблю я, начиная с детских лет, и гоголевского „Вия”» (Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы и др. Симферополь, 1963, с. 615–616).

23.

См. об этом: Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962, с. 207–208, 214–215; Зельдхейи-Деак Ж. «Таинственные повести» Тургенева и русская литература XIX века. – *Studia Slavica, Budapest*, 1973, t. XIX, fasc. 1–3, p. 362; Турьян М. А. «Таинственные повести» В. Ф. Одоевского и И. С. Тургенева и проблемы русской психологической прозы. Автореф. канд. дисс, Л., 1980, с. 19–20.

24.

См.: Passage Charles E. The Russian Hoffmanists. The Hague, 1963, p. 192–194.

25.

См. указ. выше автореферат М. А. Турьян, с. 19–20.

26.

См.: Горохова Р. М. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites». – Т сб, вып. 1, с. 257–260.

27.

1917